

Антон Беблер

Как далеко зайдет расширение НАТО?

На протяжении шести десятилетий существования Североатлантического альянса его расширение происходило в нескольких измерениях: в сфере его деятельности, в количестве государств-членов, в географической протяженности его действий, в масштабах его сотрудничества с партнерами, не являющимися членами организации, в интенсивности сотрудничества с другими международными организациями (ООН, ОБСЕ; ЕС, Африканский союз и т.д.). Однако в литературе понятие расширения использовалось в более узком смысле, для описания а) долгосрочного процесса увеличения числа членов союза, а также б) конкретных шагов, стадий или раундов в этом направлении. Я буду использовать это понятие в прежнем смысле.

С 1951 г. в Европе происходил еще один процесс, взаимодействовавший с расширением НАТО – основание и развитие европейских сообществ (ЕОУС, ЕЭС, ЕАЕС) и Европейского союза (ЕС). Например, в 1960-х годах отказ Франции допустить Соединенное Королевство в Европейское экономическое сообщество было связано с кризисом в НАТО 1965-1966 гг. С другой стороны, принятие Испании в НАТО в 1982 году, также как и восточноевропейские раунды НАТО 1999 и 2004 годов, были существенно взаимосвязаны с расширением ЕС, хотя и управлялись по-разному. Среди нынешних государств, являющихся одновременно членами и НАТО, и ЕС, одна только Германия вступила в объединенную Европу прежде своего вступления в НАТО. Во всех других случаях вступление в

НАТО предшествовало, а в 2004 г. почти совпало с вступлением в европейские сообщества.

Расширение Атлантического альянса: геостратегический и политический анализ

Оригинальная идея сформировать необычный оборонный союз по обе стороны Северной Атлантики была первоначально выдвинута в ноябре 1940 г. норвежским министром в изгнании Трюгве Ли, позже ставшим первым Генеральным секретарем ООН. Общие интересы в борьбе и в нанесении поражения тоталитарным режимам оси Третьего Рейха, Италии, нескольких других европейских государств, а также на оккупированных немецкими войсками территориях стали основанием для предполагаемого союза. Эта общая цель и основные либеральные демократические политические ценности, как ожидалось, должны преодолеть огромные географические расстояния, разделявшие союзников по обе стороны Северной Атлантики. Норвежское предложение не было услышано, и в то же время между союзниками развивалось прагматическое оборонное сотрудничество без формального соглашения и в различных географических конфигурациях. Кроме того, коалиция анти-оси включала в качестве важного участника тоталитарное государство СССР. Возрождение почти забытой норвежской идеи британскими дипломатами в 1947–1948 гг. было, с другой стороны, мотивировано угрозой, исходящей от советского блока, его коммунистической идеологии и силы коммунистических партий в Италии и Франции. И в 1940-м, и в 1947–1948 гг. идея Североатлантического альянса носила отчетливую антитоталитарную и либеральную демократическую окраску. Это дает основание утверждать, что эта идеологическая особенность влияла не только на создание НАТО, но также и на процесс его расширения.

Идея возможного расширения была вложена в НАТО с самого его основания летом 1948 года. Североатлантический блок обеспечил правовые рамки для принятия новых членов, их возможного выхода, но не для изгнания из Альянса. Согла-

шение содержало два ограничения – географическое (рассматривались только европейские государства) и процедурное (приглашение только на основе согласия текущих участников). Организация Североатлантического договора (НАТО) была основана как региональная организация безопасности в соответствии с условиями Главы VIII Хартии ООН. Фундаментальная цель Альянса состояла не только в совместном отражении военных угроз его участникам, но также и не менее важной цели защиты высоких общих ценностей, за которые ратовали его инициаторы – западные либеральные демократические государства. Таким образом, эти демократические ценности, а не одни только оборонные потребности должны были служить важным фактором для привлечения потенциальных новых участников. Значительные изменения в соотношении между оборонным и политико-идеологическим побуждением для расширения блока выявлялись на протяжении всего процесса роста Альянса.

Альянс расширял свою территориальную, демографическую и экономическую массу на протяжении многих стадий, охвативших более пяти десятилетий. Процесс роста фактически начался приблизительно за девять месяцев до официальной церемонии подписания соглашения 4 апреля 1949 г. в Вашингтоне. Под влиянием некоторых событий, таких как коммунистический переворот в Чехословакии и советская блокировка Западного Берлина, США полностью изменили свое отрицательное отношение к союзу, и в начале лета 1948 г. решили восстановить “норвежско-британское” предложение. Первоначальный зародыш Альянса включал только США и Великобританию. Этот зародыш был расширен в июле 1948 г. приглашением Франции, трех стран Бенилюкса (всех членов недавно основанной Брюссельской организации соглашения) и Канады. Несколько месяцев спустя были приглашены Исландия, Норвегия, Дания и Португалия, в то время как неофициальные предварительные переговоры со Швецией, Ирландией и Испанией, как говорят, дали отрицательный результат. Последним дополнением к первоначальному ядру

союза стала Италия. Дальнейшие раунды расширения НАТО в членстве и территории последовали в 1952 г. (Греция, Турция), 1955 г. (ФРГ), 1982 г. (Испания), 1990 г. (ГДР, поглощенная ФРГ), 1999 г. (Польша, Чешская Республика, Венгрия) и в 2004 г. (Румыния, Болгария, Словения, Словакия, Литва, Латвия, Эстония). Таким образом, последний раунд расширения в апреле 2009 г. должен рассматриваться как, по крайней мере, восьмой в целом и четвертый по счету восточноевропейский раунд. С другой стороны, Франция при генерале Шарле Де Голле вышла в 1966 г. из интегрированной военной команды, но не из политической структуры Альянса, став таким образом получленом НАТО. Этот акт французской дипломатической изобретательности был повторен позднее, но по иным причинам, Испанией. При вступлении это было обусловлено преобладающе отрицательным отношением испанской общественности к членству их страны в Альянсе. Ранее область соглашения НАТО также подверглась одному сокращению, когда ранее французские сектора в Алжире стали независимым государством вне Альянса.

Восемь раундов расширения существенно повлияли на географическую область НАТО. Уже в 1949 г. Альянс отклонился от оригинальной идеи, выраженной в его названии, когда допустил в число своих членов средиземноморское государство, не имеющее выхода в Северную Атлантику, – Италию. Последующие раунды расширения в Восточном Средиземноморье и Центрально – Восточной Европе сместили область соглашения Альянса еще дальше от ее географического обозначения. Однако изначальное название продолжает жить, несмотря на тот факт, что прилагательное евро-атлантический было бы более подходящим для названия существующего Альянса.

Важная особенность НАТО, связанная с его расширением, была выражена в общественных либеральных демократических заявлениях. Идеологическая платформа Альянса была отчетливо заявлена во введении и в Статье 2 Североатлантического соглашения. Союзники выразили в них свою реше-

мость “стоять на страже свободы, общего наследия и цивилизации их народов, основанных на принципах демократии, свободы личности и верховенства закона”. Статья 10 предусматривала, что “европейское государство, стоящее на позициях развития принципов этого Соглашения и содействия безопасности в североатлантической области”, может быть приглашено к вступлению, если такое приглашение будет основано на согласии всех государств-членов. Отсюда было бы логично вывести, что принцип демократии должен составлять один из ключевых критериев и необходимое требование для членства в Альянсе. Однако это условие не было явно упомянуто в Статье 10 и, похоже, основатели союза не считали это существенным. Это отчетливо прояснилось, когда к вступлению в клуб членов-учредителей был приглашен авторитарный режим в Португалии. Приглашение обуславливалось исключительно военными стратегическими основаниями при полном игнорировании демократических ценностей. Таким образом, приглашение и фактическое вступление Португалии в Альянс серьезно подорвали притязание НАТО быть союзом либеральных демократических государств.

Кроме того, в 1951 г. первоначальные участники Альянса серьезно обсуждали приглашение в свои ряды, наряду с Грецией и Турцией, также Испании и Югославии, которые являлись в те дни бескомпромиссными тоталитарными диктатурами. Этот шаг в деле расширения НАТО в Средиземноморье публично обосновывался простыми военными стратегическими основаниями генералом Д. Эйзенхауэром, в то время верховным главнокомандующим экспедиционными силами в Европе, вскоре избранным американским президентом. Во время внутренних дебатов в НАТО большинство возражений на это предложение основывалось вовсе не на недемократических политических режимах в этих двух государствах. Италия возражала, например, ссылаясь на нерешенный спор о будущем Триеста и итальянско-югославской границы. Однако оба диктатора – испанский генералиссимус Ф.-Б.Франко и югославский маршал Й.-Б.Тито – остались равнодушными к

идее вступления. Однако было найдено прагматичное решение и вскоре оба государства стали косвенно связаны в военном отношении с Союзом. В случае Испании эта связь была произведена через двусторонний “Договор о дружбе” о сотрудничестве в сфере безопасности с США (1953), который предусматривал создание четырех американских баз на испанской земле. Югославия, в свою очередь, вошла в трехсторонний взаимный оборонительный договор с двумя участниками НАТО (Грецией и Турцией). „Соглашение о сотрудничестве и взаимопомощи” было подписано в августе 1954 г. в Бледе (Словения). Между 1950 и 1956 гг. военные планировщики НАТО считали Югославию неофициальным стратегическим союзником в случае континентальной войны с советским блоком.

До 1995 г. НАТО явно никогда не выдвигал требование демократического внутреннего политического порядка страны-кандидата в качестве независимого условия членства. Кроме того, изначальное решение сформировать трансатлантический союз нигде не подтверждалось демократическим путем референдумов. В некоторых странах этот факт отражал недостаточную поддержку населения и, таким образом, дефицит демократии. В нескольких случаях, тогда и позже, было очень сомнительно, будет ли членство страны одобрено избирателями на референдуме. Особенно такие сомнения были сильны относительно Федеративной Республики Германии в 1955 г. и Испании в 1982 г. Кроме того, в течение многих десятилетий союз демонстрировал, по крайней мере публично, чрезвычайную незаинтересованность в подтверждении демократического мандата его участников как до, так и после вступления в Альянс. Практика невмешательства НАТО во внутреннюю политику государств-членов резко контрастировала с практикой обязательного идеологического правоверия в Варшавском договоре. Внутренний идеологический квазинейтралитет, безусловно, поспособствовал тому факту, что ни одно государство-член не покинуло Альянс полностью и НАТО выжил после 1999 г. Очевидно, пока длилась холодная

война, в политике расширений НАТО преобладающую роль играли геостратегические и военные соображения.

Со смягчением конфронтации Восток - Запад на первое место стали выдвигаться императивы военной стратегии, даже в ущерб демократическим ценностям. Допустив Испанию и в ЕС, и в НАТО, либеральный Запад признал и вознаградил посттоталитарные демократические преобразования в той стране. Однако вступление Испании в НАТО вызвало серьезную полемику, в значительной степени из-за предыдущих близких военных связей Соединенных Штатов с диктатурой Франко. Решение подписать протокол о вступлении в НАТО было принято второпях слабым переходным правительством в самом конце его правления в 1982 г. Протокол был ратифицирован в парламенте незначительным большинством, удерживавшимся тогда правоцентристской коалицией. Однако несколько недель спустя эта коалиция была побеждена на всеобщих выборах. Кроме того, оппозиционная социалистическая партия на выборах, пообещала провести референдум и вывести Испанию из Альянса. Таким образом, первый референдум в истории расширения НАТО был проведен в Испании, но только в 1986 г., спустя четыре года после вступления этой страны в Альянс. И хотя испанское правительство технически исполнило обещание провести референдум по членству НАТО, большое значение имело управление его результатом.

Во времена холодной войны практика НАТО принятия или терпимости к несколько недемократичным (а также антикоммунистическим и прозападным) режимам отчасти оправдывалась тем, что членство в союзе в конечном счете способствует либерализации и в дальнейшем демократическому развитию в этих государствах. Действительно, это имело место в Португалии, Греции и Турции. Кроме того, само существование НАТО оказывало либерализующее и демократизирующее воздействие вне области Альянса. Либеральные демократические ценности, поддержанные и размноженные ведущими государствами НАТО, действительно вовремя оказывали психологическое и политическое воздействие через «железный занавес».

вес» и поверх него. Это идеологическое воздействие на государства Варшавского договора усиливалось демонстрацией более высокого уровня жизни, видимым изобилием товаров народного потребления, демократическими свободами и намного более свободным образом жизни на Западе. Принятие Хельсинкского заключительного акта и основание Совецания по безопасности и сотрудничеству в Европе (CSCE) в 1975 г. легализовали вмешательство этой международной организации во внутреннюю политику стран-участниц в случаях грубых нарушений прав человека. Пойдя на эту уступку ведущим странам-участницам НАТО, Восточный блок открыл дверь либеральной демократической подрывной деятельности в отношении его коммунистических политических режимов. Это развитие косвенно, но ощутимо поспособствовало волне демократизации в Восточной Европе и в конечном счете - распаду Варшавского договора и СССР в том же самом 1991 г.

Восточноевропейские раунды расширения в 1999 и 2004 гг.

Драматическое демократическое преобразование и крах их смертельного противника обнаружил неподготовленность Западных держав к такому повороту событий и их смятение. Это стало совершенно очевидно, когда новые посткоммунистические режимы начали стучаться в двери ЕЭС/ЕС и НАТО. На этот хор просьб о вступлении Запад первоначально ответил восточным европейцам вежливым отказом. Сколь бы высока ни была заинтересованность во вступлении в НАТО, главный аргумент Запада против этого был весьма логичен. Молодым восточноевропейским демократическим государствам в военном отношении никто не угрожал и они нуждались прежде всего в быстром экономическом и социальном развитии, а не в военной защите Альянса. Следовательно, на первом месте должны были быть подготовка к вступлению и вступление в Европейский союз, а затем - подготовка и последующее вступление в западноевропейский Альянс. И только несколько лет спустя новый член ЕС и участник ЗЕС мог стать достаточно подготовленным к присоединению к НАТО.

Такая последовательность отодвинула временной горизонт периода возможного расширения НАТО в первое десятилетие 21-ого столетия. Упомянутая последовательность отразила тот факт, что ведущие участники НАТО потеряли интерес к расширению Альянса на основаниях безопасности. Следовательно, привлечение новых кандидатов не могло уже опираться либо на вооруженные силы либо на политико-идеологические (демократические) основания. В 1995 г. демократический характер государства-кандидата был публично объявлен ключевым критерием. Это было сделано, чтобы купить Западу несколько лет отсрочки и в то же самое время стимулировать внутренние демократические реформы в Восточной Европе. Таким образом, на основе их достижений в демократическом преобразовании Альянс был бы в состоянии выбрать среди них самых желательных кандидатов. Требуя одновременно соответствия и военным, и политическим критериям, НАТО в значительной степени повысило требования к странам-кандидатам. К восточноевропейским кандидатам Альянс относился совсем иначе, нежели к некоторым первоначальным участникам (Португалия, Исландия и Люксембург), а также двум странам Балканского полуострова, допущенным в НАТО в 1952 г. И НАТО также закрыло глаза на тот факт, что его давний участник, Турция, все еще не отвечала к тому времени всем важным демократическим критериям, с которыми оно подошло к жителям Восточной Европы.

Институциональные предшественники Европейского союза возникли спустя несколько лет после основания НАТО. Их первоначальное ядро состояло из небольшой группы экономически развитых государств, где демократический порядок действовал еще до объединения в интеграцию. Все эти участники были в военном отношении защищены НАТО. Вот почему из соображений внешней безопасности члены-учредители европейских сообществ не должны были допускать в свой клуб нескольких южно-европейских государств с авторитарными и даже диктаторскими режимами. Эти государства были также относительно бедны и нуждались в значительной эконо-

номической помощи. Ведущие западноевропейские державы в течение многих лет также не желали принимать в свой клуб жителей Восточной Европы. И по экономическим, и по внутриполитическим причинам они предпочли как можно дольше продержать бедных восточных “кузенов” в зале ожидания. Ни в каком смысле в прошлом ЕЭС/ЕС не раздувал в такой степени корпус независимых и процедурных условий для вступления новых членов, как это было сделано для жителей Восточной Европы. Сложный критерий под названием “готовность к интеграции” включил в себя функционирование демократических институтов, политическую стабильность, совместимость конституционных и правовых систем с западными стандартами, права человека и права меньшинств, структурные изменения в рыночно-ориентированной экономике, экономическую стабилизацию, соответствие социальным системам и демократическим ценностям, широкое принятие интеграционных процессов, благоприятную внешнюю политику и политику безопасности и т.д., - чрезвычайная изобретательность бюрократии ЕЭС/ЕС сделала его расширение на восток чрезвычайно сложным, длинным и утомительным бюрократическим процессом.

Переход от весьма сдержанного ответа на принятие новых членов к императиву расширения на Восток не был легким и в НАТО. Сомнительно, чтобы самыми важными в этом процессе были соображения демократии. Если бы НАТО беспокоился в первую очередь о защите и поддержке неоперившихся демократических государств, география и последовательность восточного расширения НАТО должны были быть совсем иными. Очевидно, изменение позиций НАТО не могло случиться без предшествующего изменения американских позиций. Правительство Клинтона было весьма раздражено неспособностью западных европейцев эффективно содействовать прекращению войны на Балканах, а также их промедлением в объединении хилых восточноевропейских демократических государств. Сначала имела место просчитанная попытка отклонить восточноевропейский порыв к членству НАТО,

подменив его организацией “Партнерство ради мира”. Когда стало очевидным, что попытка провалилась, администрация Клинтона приняла в ноябре 1994 г. платформу избирательного, тщательно управляемого и постепенного расширения НАТО, которое также ускорило бы интеграцию Восточной Европы в Европейский союз. Кроме того, администрация Клинтона поддержала понятие глубокого морального долга Запада в отношении восточноевропейских стран, преданных и оставленных на “холоде” в 1939-1941, 1945, 1948, 1956 и 1968 гг. В результате принятия этого понятия прежние советские союзники в Восточной Европе стали более желательными в НАТО, чем страны, не уступившие сталинскому режиму, такие, как Словения. В этом контексте в качестве побуждения упоминалась моральная и политическая поддержка процессу демократизации, но важную роль играл и расчет Билла Клинтона при подготовке к президентским выборам 1996 г. Кроме того, в Президентском представлении американскому Сенату приводились следующие аргументы в пользу открытия дверей НАТО восточным европейцам: получив новых участников, Альянс увеличит свои военные ресурсы и стратегическую глубину, что укрепит стабильность в Европе, послужит сдерживанию потенциальных угроз и сотрет искусственные разделения. В связи с этим ожидалось, и не только в США, что восточноевропейская кровь омолодит Альянс. В сочетании с внутренней перестройкой НАТО и новыми задачами “вне области” расширение должно было предотвратить угрозу медленного истощения союза и дальнейшего его увядания. Некоторые западные эксперты одобрили расширение НАТО и как способ предотвращения распространения ядерного оружия в Центральной (Восточной) Европе.

На Мадридской встрече на высшем уровне в июле 1997 г. Альянс пригласил к вступлению три восточноевропейских государства - Польшу, Чешскую Республику и Венгрию. Это решение оказалось посередине между двумя крайними позициями - (а) принятия пяти новых членов (как настаивала Франция) и (б) молчаливым предпочтением некоторых участников

не принимать никого. Таким образом, заключительный выбор трех новых участников соответствовал предпочтениям администрации Клинтона, хотя американский Конгресс, Североатлантическое собрание и даже Госдепартамент рекомендовали также Словению. Чтобы дать некоторое психологическое удовлетворение, главным образом французам и итальянцам, заключительный Мадридский документ упоминал Румынию и Словению (в английском алфавитном порядке). Эти две страны были выбраны как серьезные кандидаты для дальнейшего рассмотрения.

В дополнение к вышеизложенным геополитическим расчетам, восточноевропейский раунд расширения 1999 г. отразил трансатлантическое измерение НАТО и в других отношениях. Три принятых тогда центральноевропейских государства приносили в интегрированную военную структуру союза приблизительно 200 000 солдат. Оказалось, что это примерно равнялось численности военнослужащих США, отозванных к тому времени из Европы после окончания холодной войны. Включение новых участников в 1999 г. могло, таким образом, рассматриваться и как частичная замена американских войск в Европе. Резолюция американского Сената о ратификации в 1998 г. была еще более откровенной. Она отчетливо связывала американский интерес к расширению с поддержанием НАТО как военного союза, предотвращающего ренационализацию европейской военной политики, и с обеспечением продолжения лидерства Соединенных Штатов в европейских делах безопасности.

Прежде всего по вышеперечисленным политическим причинам НАТО с середины 1990-х гг. развивало свои формальные критерии для вступления новых участников и процедуры для подготовки кандидатов. Альянс сделал процесс более формальным и сложным, но все еще намного менее сложным и отнимающим меньше времени, чем соответствующая практика в Европейском союзе. НАТО также радикально усовершенствовало свое официальное демократическое кредо. Особенно после окончания холодной войны, Альянс отчет-

ливо привел свою политику расширения в соответствие с ценностями, декларированными в его основополагающей хартии, и с его собственными политическими заявлениями.

Мадридское решение по расширению, хотя и провозглашалось многими как историческая достопримечательность, также было встречено и многочисленными критическими замечаниями. Если реальная цель расширения НАТО состоит в том, чтобы улучшить безопасность и стабильность в прежней Восточной Европе, как заявлялось публично, то приглашения должны быть направлены самым слабым и самым нуждающимся из посткоммунистических государств, находящимся в переходном периоде, а не самым сильным в военном и экономическом отношении и потому наименее подверженным потенциальным внешним угрозам. Некоторые критики сочли конфигурацию первой группы геостратегически несбалансированной и неадекватной, учитывая концентрацию реальных и потенциальных горячих точек в Европе. Другие все еще чувствовали, что в 1997-1999 гг. НАТО упустило возможность сместить область безопасности, стабильности и демократии в самом необходимом направлении – в направлении Балкан, как настаивала Италия.

На темп и протяженность дальнейшего расширения НАТО повлияли два главных события. Первым был серьезный гуманитарный кризис, сопровождаемый вооруженными столкновениями в Косове (1998-1999). Этот кризис привлек внимание западных держав к источникам продолжающейся неустойчивости на Балканах. Непосредственная проблема в Косове была вскоре решена вооруженным вмешательством против Федеративной Республики Югославии (и прежде всего ее наибольшей составляющей - Сербии). В отдаленной перспективе вспышка насилия в Косове выявила необходимость исправления геополитической неустойчивости расширения 1999 г. путем расширения НАТО в беспокойные Западные Балканы. Два года спустя террористические атаки 11 сентября 2001 г. в США изменили парадигму международной безопасности, выдвинув на первый план потенцию негосудар-

ственных действующих лиц и угрозу асимметричной войны. По этой причине достаточная военная мощь новых кандидатов как требование для вступления уравновесилась способностью содействовать “войне с терроризмом” даже очень маленьких участников. На этот раз российское сопротивление включению трех балтийских государств оказалось еще менее эффективным, чем сопротивление восточному раунду в 1997 г. Эти геополитические события сделали возможным расширение “большого взрыва” в апреле 2004 г., когда одновременно были приняты семь новых членов.

Оглядываясь на решения НАТО 1997 и 2002 гг., каждый замечает, что фактически ни одно из мрачных предсказаний тогдашних противников восточноевропейского расширения не подтвердилось последующими событиями. Напротив, расширение не только усилило и омолодило Альянс, но и произвело также несколько положительных эффектов в Европе. Кроме того, военное вмешательство НАТО против Федеративной Республики Югославии, совпавшее с расширением 1999 г., ускорило падение авторитарного режима Милошевича в Сербии, привело к последующим демократическим реформам в этой основной стране Балканского полуострова, а также к деколонизации Косова и рождению самого молодого европейского государства. Политическая негативная реакция Российской Федерации, как оказалось, была слишком слаба, чтобы дестабилизировать режим, в то время как экономическое и политическое преобразование в Центральной (Восточной) Европе продолжилось, и в отношениях между новыми участниками и другими европейскими странами не было замечено никакого ухудшения.

Последняя фаза и перспективы дальнейшего расширения

На встрече на высшем уровне НАТО в Бухаресте в апреле 2008 г. Альянс пригласил в свои ряды Хорватию и Албанию и обещал Украине и Грузии, что в будущем и они также станут его полноценными участниками. Однако в последнем случае не были упомянуты никакие даты, и эти две страны не были

приглашены войти в “Программу вступления”. Дальнейшее расширение в постсоветское пространство Содружества независимых государств (СНГ) осталось спорной проблемой, разделившей США при Джордже В. Буше и главные западно-европейские страны-участницы (главным образом Германию и Францию).

Год спустя было официально заявлено о важном этапе развития - возвращении Франции в объединенное военное командование НАТО и тем самым - к ее полноценному членству в Альянсе. Этот акт означал общественный отказ от показной прихоти генерала Де Голля в 1966 г. выслать Штаб НАТО и Высшее союзническое командование из Франции и изъять страну из военной деятельности Альянса. Фактически это официальное заявление лишь увенчало постепенное развитие в международном положении Франции. Постепенное удаление от голлистских догм началось уже при президенте Франсуа Миттеране и продолжилось при президенте Жаке Шираке. Оба президента санкционировали присоединение обширных французских контингентов к двум миротворческим миссиям НАТО в Боснии и Герцеговине (*IFOR, SFOR*), нападение на Федеративную Республику Югославию и оккупацию Косова, а также отправку экспедиционных сил в Афганистан. Больше десятилетия французские генералы участвовали в работе Военного комитета НАТО. Президент Николя Саркози предсказал официальную реинтеграцию Франции в военную структуру НАТО в июне 2008 г., обусловив это достаточным развитием Политики безопасности и защиты Европейского союза. 18 марта 2009 г. французское Национальное собрание 329 голосами “за” и 238 голосами “против” приняло решение, одобряющее намерение президента Саркози. Без этого официального заявления Николя Саркози не играл бы с такой помпой и поддержкой средств массовой информации роль хозяина встречи на высшем уровне НАТО, приветствовавшего глав других союзнических государств и правительств (включая американского президента) на середине пешеходного моста через Рейн.

В подготовке и выполнении это символического возвращения в НАТО Николя Саркози должен был преодолеть сопротивление не только в рядах социалистической, коммунистической и крайней националистической оппозиции, но также столкнуться с критическими замечаниями внутри его собственной партии. Аннулирование решения Де Голля не было, однако, столь радикальным, каким выглядело. К успокоительному эффекту традиционной риторики о высших национальных интересах Франции Николя Саркози добавил три жестких оговорки, которые фактически ощутимо ограничивают пределы военной реинтеграции Франции в НАТО. Так, Франция сохранила полный суверенитет в использовании своих ядерных средств устрашения. Следовательно, французские представители не присоединялись к Группе ядерного планирования НАТО (NPG). Франция оставила за собой также свободу решения о развертывании своих войск и отказе от помещения в мирное время своих воинских частей под Высшее союзническое оперативное командование. В умах принимающих решение французских лиц желание усилить влияние французов и ЕС внутри Альянса очевидно перевесило неудобство сокращения политической гибкости Франции на глобальной сцене. Эти изменения требуют увеличения вклада Франции в бюджет НАТО и повлекут за собой значительные кадровые перестановки, вызванные введением приблизительно восьмиста французских чиновников и генералов в военные структуры НАТО. Ожидается, что Франция, как наикрупнейший вкладчик в СБР (силы быстрого реагирования), будет вскоре вознаграждена несколькими важными постами. Согласно *Jane's Defense Weekly*, одним из них может быть Высшее союзное командование по вопросам трансформации в Норфолке, штат Виргиния, которое впервые будет осуществляться неамериканским генералом (военно-воздушные силы). Другое возможное высокое назначение - возглавление Объединенного штаба в Лиссабоне, ответственного за силы быстрого реагирования.

Встреча НАТО на высшем уровне в Страсбурге-Киле 2-3 апреля 2009 г. также открыла следующую фазу в расширении НАТО. На ней настоятельно подтвердилась тенденция продолжения расширения Альянса в направлении Западных Балкан. Свою 60-ю годовщину НАТО отпраздновало, имея в себе двадцать восемь членов. Процесс ратификации протоколов был закончен как раз вовремя, чтобы торжественно объявить о вступлении Хорватии и Албании в качестве двух самых новых участников. Ранее нерешенный пограничный спор между государством-членом Словенией и страной-кандидатом Хорватией теоретически угрожал задержать, если не пустить под откос процесс вступления Хорватии в Альянс. Впервые в истории НАТО национальный референдум, проведенный в государстве-члене, мог юридически помешать другому приглашенному государству присоединиться к Альянсу. К счастью, этого не случилось. Декларация саммита определила трех новых потенциальных членов Альянса – Македонию, Боснию - Герцеговину и Черногорию. Она также приветствовала обязательство Сербии по “интеграции в Евроатлантическое сообщество наций” и обратилась к ней с просьбой поддерживать “консолидацию мира и безопасности в Косове”. Эти формулировки отразили перспективы дальнейшего расширения НАТО на Балканах в течение следующего десятилетия и также указали на внутрирегиональные препятствия этому процессу.

Встреча на высшем уровне отразила назревающую тенденцию в отношениях НАТО с Российской Федерацией. Альянс вновь протянул руку сотрудничества, но в то же самое время повторил политику открытых дверей по отношению ко “всем европейским демократическим государствам, которые разделяют ценности” Альянса, кто “желает и в состоянии принять обязанности и обязательства членства и чье включение может поспособствовать коллективной безопасности и стабильности”. Декларация саммита не ввела существенных изменений в предыдущие заявления относительно Украины и Грузии. Не заявляя об этом открыто, НАТО фактически приос-

становило процесс расширения в пространство СНГ, который мог бы обозначить его безопасные пределы в обозримом будущем. Такая сдержанность соответствует изменениям в американских приоритетах при Бараке Обаме, наряду с усилением положения Франции в Альянсе и желании многих участников улучшить отношения НАТО с Российской Федерацией.

Хотя правовые положения, содержащиеся в Статье 10 Североатлантического соглашения, остаются неизменными, фактическая политика расширения НАТО подверглась очень значительному развитию. Геостратегические соображения (хотя все еще важные) перестали быть преобладающим фактором, в то время как на первое место выдвинулись критерии либерального демократического соответствия. Развитие из простого военного союза в региональную организацию политической безопасности с более широким международным призыванием было отражено в практике расширения НАТО с 1990-х гг. Сопровождаемое - и в большинстве случаев поддерживаемое расширением Европейского союза - расширение НАТО способствовало демократическим изменениям в Южной Европе и усилило молодые демократические государства в центральной, восточной и южной части Восточной Европы. Союз значительно поспособствовал преодолению идеологического антагонизма в Европе, особенно острого разделения между "востоком" и "западом". Прежний "железный занавес" выражал, однако, не только идеологическую конфронтацию между либерализмом и коммунизмом, но также и еще более глубокую борьбу за власть между Западом во главе с США и доминируемым русским СССР. Этот последний антагонизм не мог исчезнуть с падением коммунизма в России, но только принял иную, намного более умеренную форму как новую смесь сотрудничества и конфликта между расширенным НАТО и Российской Федерацией. Эти отношения в значительной степени и определяют вероятность и степень дальнейшего расширения НАТО в российскую "ближнюю границу".

Избранная библиография по расширению НАТО:

1. A. de Staercke (ed.), *NATO's Anxious Birth. The Prophetic Vision of the 1940*, NATO Review, London 1985.
2. D. R. Asmus, *Opening NATO's Door*, Columbia University Press 2002.
3. A. Bebler (ed.), *The Challenge of NATO Enlargement*, Praeger, Westport CT 1999.
4. *NATO Handbook*, NATO Office of Information and Press, Brussels 2006.
5. T. S. Szayna, *NATO Enlargement 2000-2015. Determinants and Implications for Defense Planning and Shaping*, Project Air Force, RAND, Arlington 2001.
6. S. J. Blank (ed.), *European Security and NATO Enlargement: A View from Central Europe*, Strategic Studies Institute, Washington, DC 1998.
7. *NATO in the 21st Century*, North Atlantic Assembly, October 2, 1998.
8. *NATO, France Alliance Atlantique*, Spring 2009.
9. A. Pierre, *NATO at Fifty. New Challenges, Future Uncertainties*, Special Report, US Institute of Peace, Washington DC 1999.
10. A. Pradetto, F. M. Alamir (ed.), *Die Debatte ber die Kosten der NATO-Osterweiterung*, Nomos Verlagsgesellschaft, Baden-Baden 1998.
11. *Report to the Congress on the Enlargement of the North Atlantic Treaty Organization: Rationale, Benefits, Costs and Implications*, Released by the Bureau of European and Canadian Affairs, U.S. Department of State, February 24, 1997.
12. J. Simon, *NATO Enlargement and Central Europe. A Study in Civil-Military Relations*, NDU Press, Washington 1996.
13. *Study on NATO Enlargement*, NATO, Brussels September 1995.
14. *US Secretary of State: Congressional Presentation for Foreign Operations for Fiscal Year 1998*, Washington 1997.

Польский институт международных дел

15. M. Wohlfeld, (ed.), *The Effects of Enlargement on Bilateral Relations in Central and Eastern Europe*, WEU Institute for Security Studies, „Chaillot Paper”, no. 26, Paris June 1997.

16. L. Pietsch (ed.), *Hungary and NATO*, Hungarian Atlantic Council, Euro-Atlantic Library I, Budapest 1998.